

Виктор Викторович Будаков родился в 1940 году в селе Нижний Карабут Россошанского района. Окончил историко-филологический факультет Воронежского государственного педагогического института. Прозаик, поэт, эссеист. Лауреат литературных премий им. И.А. Бунина, им. А.Т. Твардовского, им. Ф.И. Тютчева, премии журнала «Подъём» «Родная речь» и др. Основатель и редактор книжной серии «Отчий край». Почетный профессор ВГПУ. Заслуженный работник культуры РФ. Автор более 30 книг прозы и поэзии, 10-томного собрания сочинений. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Виктор Будаков

МАРШАЛ КНИЖНЫХ ВОЙСК

(Вспоминая Бориса Ивановича Стукалина)

БИОГРАФИЯ И СУДЬБА

Е

сть биографии, которые можно вместить в несколько строк, но за ними — большая летопись и отдельной человеческой жизни, и жизни страны.

Борис Иванович Стукалин (1923–2004), столетие со дня рождения которого минуло недавно, — уроженец Черноземного края, выходец из крестьянской семьи. Детские годы прошли в тамбовской деревне, а годы молодости и ранние зрелые годы (1939–1960) — на воронежской земле и непосредственно в Воронеже.

Большая часть трудовой деятельности Стукалина связана с Москвой, но Воронеж навсегда остался в его сердце и памяти родным городом. По признанию Марины, дочери Бориса Ивановича, « всю жизнь отец называл себя воронежцем. Он сердечно любил город своей молодости... никого из земляков, просивших о помощи, не оставлял без поддержки ».

И не только Воронеж, но вся область, которую он изездил, будучи редактором воронежских областных газет, помнят о нем благодарственно.

Еще до войны, шестнадцати лет, он прибыл в Острогожск, вскоре стал сотрудником редакции газеты «Острогожская жизнь». Подружился с вдохновенным пером редакции, юным поэтом и публицистом Василием Кубаневым. Пос-

ле войны собрал по крупицам творческое наследие рано ушедшего из жизни друга, выдал его в Воронеже и столице, благодаря чему имя и слово Кубанева обрели всесоюзное звучание. Острогожцы не в последнюю очередь и за труды по увековечению памяти Кубанева присвоили Борису Ивановичу звание Почетного гражданина Острогожска.

Войну Стукалин прошел от начала до конца. После окончания радиошколы был направлен на Западный фронт. Налаживая или восстанавливая радиосвязь, не раз попадал под артобстрел, бомбежки, а то и прицельный пулеметный огонь фашистского истребителя. Подмосковье, Смоленск, Белоруссия, Польша, Германия — боевой путь продлился от Москвы до Берлина.

После войны он два года работает в Острогожске, а с 1948 по 1952 год — редактором районных газет в Абрамовке, Россоши, собкором «Коммуны» в Борисоглебске.

С 1952 года Борис Стукалин — редактор воронежской областной газеты «Молодой коммунар». Он объединил в стенах и вокруг редакции творчески одаренные личности, которые позже обрели российскую известность, — Владимира Кораблинова, Василия Пескова, Алексея Прасолова, Юрия Гончарова, Анатолия Абрамова, Николая Коноплина, Анатолия Жигулина... Газета скоро пришлась по душе воронежцам, и ее редактор был «приглашен на повышение»: с 1956 года он успешно руководил редакцией «главной» областной газеты «Коммуна».

В 1960 году Бориса Стукалина, одного из лучших среди редакторов областных газет, приглашают на работу в сектор печати ЦК, где он проявил себя как замечательный знаток и организатор в журнальной, газетной сфере. В 1965 году ему был предложен пост заместителя главного редактора «Правды». Отдав несколько лет редакции главной газеты страны, он неизменно являл понимание насущных проблем жизни и общества, широту кругозора, а еще — столь необходимую во все времена, достойную уважения принципиальность, которая испытывалась не раз.

В 1966 году один известный журналист написал в газету статью, где едва не все успехи на «Малой Земле» приписывались Брежневу. Стукалин решительно сократил неумеренные восхваления, и ЦК не замедлил о себе напомнить: первому заместителю главного редактора «Правды» было выказано явное осуждение, да и в целом на редакцию началось давление. Борис Иванович вспоминал позже: «Мы долго обсуждали, как реагировать на оказанное давление: либо уходить в отставку, либо в меру сил сдерживать раскручивание нового культа. Выбрали второе».

Где бы ни работал Стукалин, везде он вносил дух доброжелательства и принципиальности и везде успевал сделать многое. Но особенно значителен его вклад в книжное дело страны. Как первый человек в книгоиздательской отрасли России (организатор и Председатель Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати с 1963 по 1965 год), а затем и всей страны (Председатель Госкомиздата СССР с 1970 по 1982 год) Борис Иванович брал на себя решение великого множества вопросов. Начиная со строительства, ввода в действие полиграфических комбинатов в Подмосковье, улучшения полиграфической базы во многих регионах страны и кончая сугубо творческими делами. Потребовалось много сил, воли, настойчивости, чтобы издать, например, произведения «труднопроходимых» авторов — Булгакова, Кафки, Мандельштама, не вписывавшихся в привычный ряд, но читательскому сознанию необходимых.

При Борисе Ивановиче Стукалине был реализован небывалый в мировой издательской практике проект — выпуск 200-томной библиотеки Всемирной литературы. «Школьная библиотека» также была предметом постоянного внимания министра печати. Десятки миллионов книг для детей и юношества — значительная вежа, благотворная страница в народном образовании!

Широко издавались не только книги, вошедшие в золотой фонд мировой биб-

лиотеки, но и произведения начинающих свой творческий путь авторов. Приходилось помогать и живым классикам — Леонову, Шолохову, Симонову...

С 1982 года Стукалин — заведующий отделом пропаганды ЦК, с 1985 — Чрезвычайный и Полномочный посол в Венгрии.

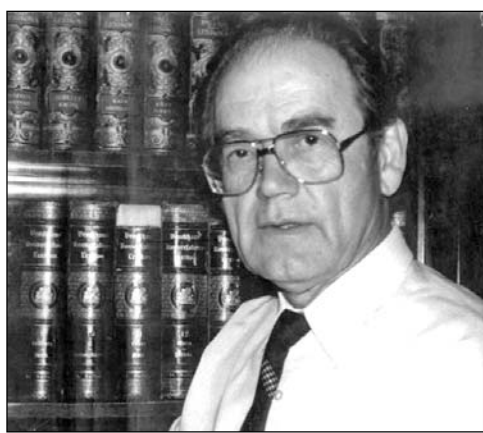
Общественно-политическая деятельность Стукалина — особая статья. Как многократный депутат Верховного Совета страны, как председатель различных общественных комиссий Борис Иванович Стукалин с неизменной ответственностью относился к запросам, нуждам, просьбам — от кого бы они ни исходили — больших ли организаций или простого человека труда. В памяти

многих людей, в рассказах и воспоминаниях, опубликованных в книжных и газетных изданиях, наш земляк являет собою образ глубоко эрудированного, глубоко профессионального, чуткого и волевого, вдумчивого и действенного, неизменно готового помочь человеку. Настоящего человека. Автор знаменитой «Повести о настоящем человеке» известный писатель Борис Полевой и в шутку, и всерьез называл Стукалина «маршалом книжных войск». И хотя наш земляк проявил себя во многих сферах — журналистской, просветительской, дипломатической, политической, но именно книжное дело стало «состоянием души», как он сам об этом говорил. И подобно тому, как выдающийся издатель, уроженец Черноземного края, Алексей Суворин смог с книгами народной библиотеки войти едва не в каждый дом, так и Борис Стукалин организовал книжное дело так, что книжные библиотечки появились едва не в каждом доме страны.

Издательского дела он не оставлял до последних месяцев своей жизни. Возглавлял Совет ветеранов книгоиздания и Фонд развития отечественного книгоиздания имени И.Д. Сытина. Деятельно участвовал как главный редактор издательского блока в комитете памяти маршала Жукова и Фонде «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945».

В 2002 году в Москве вышла в свет книга воспоминаний Бориса Стукалина «Годы, дороги, лица...» — мужественная, искренне повествующая о трагическом и героическом пути нашего Отечества в двадцатом веке. Заключительная глава звучит как напутствие живущим: «Спешите делать добро! — хочется сказать своим близким и друзьям, всем, кому попадут на глаза эти заметки. Всему человечеству помочь невозможно, поэтому не скупитесь на внимание к тем, кто рядом, с кем сводят вас жизненные обстоятельства. Помогайте ближним добрым словом и благим делом, поддерживайте тех, кто в этом нуждается. Если сможете, удерживайте людей от дурных поступков и сами живите по совести, не преступайте опасных границ!..»

В книге «Годы, дороги, лица...» — своеобразной энциклопедии культурного, издательского, журналистского, общественно-политического движения страны — мы находим выразительные картины жизни человека, семьи, Отечества на протяжении десятилетий, немногословные портреты известных политических лиц, весьма примечательные эпизоды и нити отношений; скажем, антитеза Стукалин — Горбачев; Борис Иванович долгие годы избирался депутатом Верховного Совета СССР по Старополюскому округу, была возможность изучить характер ставро-

Борис Иванович Стукалин

польского комсомольско-партийного секретаря и далее его московскую эволюцию, хотя — эволюцию ли?

Мне кажется, что Горбачев, даже и не прочитав стукалинскую книгу, мог бы сделать мало-мальски доброе; в своих воспоминаниях ему бы сказать о Стукалине: вот образ истинного общественного деятеля, патриота-государственника, для которого большой пост — возможность неустанно содействовать государственно-му благоустройству, а не распалать себя заботами о банковских счетах, примосковских особняках, заграничных виллах и парках, как то обернулось у многих обладателей большого поста. Не сказал, конечно. Потому что сам был иным — не по заслугам вознесенным. Да и что им, не всем, разумеется, нынешним, бесстыже-ловко нажившим свои недобрые архисостояния, властодержателям и денежным тузам; забота об увеличении собственного капитала для иных стократно важнее заботы о вверенных им министерских сферах, губерниях, авторитете Госдумы! Судебной системы они не боятся, а Божий суд, надеются, их минует.

Борис Иванович Стукалин не взял у государства ни крохи — ничего не приватизировал, уйдя на пенсию, не «прихватил» ни дачи, ни машины, а выделенную ему в центре Москвы квартиру выкупил у государства и едва не до конца дней расплачивался с долгами.

Ау, нынешние правители-чиновники от районных, губернских и выше, достойно высока стукалинская планка, не дотянуться?!

В литературном наследии Бориса Ивановича Стукалина есть замечательная книга, посвященная миру русской природы, дням досуга, проведенным на охоте и рыбалке, — «Зори утренние и вечерние» (Москва, 2003).

Неизменной вдохновительницей во всех делах, верным другом и единомышленником на протяжении всей жизни была для Бориса Ивановича его жена Ольга Яковлевна. Дети — Владимир и Марина, внуки — Галя и Оля — всегда оставались их душевной радостью.

В 2004 году, вскоре после кончины Бориса Ивановича, в столице была издана книга памяти о нем — «По делам и честь», в которой многие известные люди страны с душевной признательностью отозвались о выдающемся уроженце Черноземного края.

ВСТРЕЧА С МИНИСТРОМ

Мне довелось неоднократно встречаться с Борисом Ивановичем Стукалиным. Конечно, самая памятная — первая встреча. Однажды в летний солнечный день 1980 года в центре Москвы я поднялся на верхний этаж белого, брусом вытянутого здания у Страстного монастыря — в приемную тогда министра печати страны, или официально — председателя Госкомиздата при Совете Министров СССР. Привела меня сюда нужда не личная, а рабочая. В те поры в Воронеже в Центрально-Черноземном книжном издательстве я редактировал 30-томную книжную серию «Отчий край». На очереди был сборник произведений Василия Кубанева, поэта, так много обещавшего, но рано ушедшего из жизни. Борис Стукалин работал с ним в предвоенные годы в редакции районной газеты «Острогжская жизнь», был его единомышленником и другом. После войны он собрал и издал в Воронеже маленький сборник стихотворений Василия Кубанева, а затем большим столичным изданием придал его творчеству всесоюзное звучание.

Готовя кубаневский сборник с новыми текстами, в том числе и дневниками, я полагал неэтичным, если бы их не просмотрел человек, давший Кубаневу творческую жизнь после смерти.

Предварительная договоренность о встрече была, но пожаловал я точно не ко

времени: близились обеденный перерыв, в приемной дожидались фигуры немалою ранга, и нельзя было не обратить внимания на доброжелательные, но твердо произнесенные слова, адресованные миловидной секретаршей грузинскому и азербайджанскому министрам печати: «Вам по семь минут!» Я подошел к ее столу и спросил тихо, с улыбкой: «Сколько же мне, провинциалу, будет отпущено? Минуты? Или секунды?» — «Как понравится!» — ответила она, тоже не без улыбки.

Ровно в час дня я вошел в министерский кабинет — просторный, удлиненно вытянутый, по одной из стен с пола до потолка заполненный книгами. Борис Иванович поздоровался, пригласил присаживаться. Проницательно и доброжелательно взглянул на меня, и я мысленно отреагировал в том духе, что нахожусь перед своим главным руководителем, для меня более весомым и по-землячески интересным, чем, скажем, генсек и его ближайшие сподвижники. На первой же фразе мягко зазвонил телефон — стерильно белый, клавишный. Поскольку микрофон был включен, я хорошо слышал, о чем шла речь, — о штатной единице литературного секретаря для писателя Леонида Леонова. И еще — о поддержке в издании шолоховского многотомника. Борис Иванович дал разрешение без проволочек, с видимым удовольствием, сказав при этом: «Наши классики. Будем надеяться, не последние русские классики».

(Мои воронежские друзья-писатели, которым я позже вкратце рассказал о том, как быстро и разумно решаются серьезные вопросы, благоприятные даже и для судеб великих, не преминули пошутить: мол, чего бы и тебе тогда было не попросить по-землячески какую-либо инспекционную писательскую должность или разрешение на издание своего избранного. На что мне также пришлось отшучиваться, что я скоро ухожу в лесники и зайцам и волкам не будет никакого дела до моих сочинений.)

Борис Иванович стал расспрашивать о Воронеже. Некоторые уголки, упомянутые мною — вроде Петровского и Кольцовского скверов, Помяловского спуска, Березовой рощи, — вызвали в нем живой отклик. Вспоминал он сдержанно, но за немногими словами виделись картины пережитого. Разговорились о писателе Владимире Кораблинове, воронежском историческом писателе, авторе книг о Кольцове и Никитине. Владимир Александрович нас прямо-таки сблизил: он был дорог для нас обоих. Будучи редактором «Молодого коммунара», Стукалин дал время Кораблинову, тогда художнику молодежной газеты, написать «Жизнь Кольцова»; для меня же Владимир Александрович был наставником, старшим другом, я навещал его часто, и Стукалина интересно было знать, чем жил писатель, какие современные книги читал, над чем работал.

В беседе мы вновь и вновь возвращались на воронежскую землю, где в Острогжске, Абрамовке, Россоши, Борисоглебске прошла его журналистская молодость, где в Воронеже он возглавлял редакции областных газет и оставил о себе самую благодарную, самую добрую память. Не думаю, что я рассказывал что-то исключительное, сверхинтересное о своем крае, но, видимо, Борису Ивановичу дорога была любая весточка с родной стороны.

Нам снова принесли чай. Я мельком взглянул на часы: пошел третий час.

«Хороша провинция и редактор оной, — подумал о себе, — оставил министра без обеда!»

До кубаневской рукописи мы так и не добрались. Борис Иванович попросил оставить ее на вечернее прочтение и мне назавтра зайти к обеду. Когда я вышел, в приемной уже было немало народу, среди них и весьма известные писатели.

На другой день разговор и сложился о писателях и литературе, а более всего о кубаневской рукописи. Борис Иванович успел прочитать ее всю, внимательнейшим образом, замечаний было не столь много — краткие, справедливые, корректные. Лишь в одном случае я попытался возразить. В дневниках Василия Кубане-

ва со свойственной тому искренности, прямотой и размашистостью давались нелицеприятные оценки некоторым весьма именитым и влиятельным в тридцатые годы стихотворцам... Борис Иванович сказал, что едва ли надо, во всяком случае, сейчас, публиковать эти резкие, в чем-то запальчивые отклики о литераторах, иные из которых еще живы, а у других — есть свои родственники и свои поклонники. И дело не в том, что они умеют жаловаться, крик поднимая, а просто по-человечески лучше остаться в границах такта и доброты, или хотя бы снисходительности.

— Но тогда о них никогда не выйдет сказать, кто же они есть на самом деле или, по крайней мере, что о них думает честный человек. Вот они и благоденствуют хвалимо-журимые при жизни. Резкого о них не скажи. А уходят... Опять-таки об ушедших плохо не говорят, — привел я свои доводы.

— Нет, рано или поздно все становится на свои места, — тихо-убежденно сказал Борис Иванович. — У кого — жизнь, а у кого — игра; у одного — чувство родины, у другого — слова о ней. Кто — со своей «художественной» агрессией к народу, а кто — с любовью и болью. Аудиторию можно заморочить на какое-то время. Но не навсегда. Людей — чтобы во всех поколениях — не обманешь. Историю не обманешь.

Снова мы встретились нескоро: в конце прошлого века, на восьмидесятилетнем чествовании воронежской «Коммуны». Высокий, стройный, подтянутый, он, казалось, не изменился за долгие годы. Та же естественная скромность при столь же естественной, спокойной силе внутреннего достоинства. Но все же морщин на лице добавилось, и выглядел он несколько усталым. Я, разумеется, знал, что, взойдя на самый верх власти, генсек Андропов предложил ему высокий идеологический пост в ЦК и что позже Стукалин пришелся не ко двору последующей перестроечной артели. И я понимал, сколь непростые были для Бориса Ивановича те времена: очередные страдания народа, очередной развал страны... В «минуты роковые» сполна проявляется сущность человеческая, и Стукалин явил ее достойно, честно и благородно, не покрывив перед своей совестью, решительно уйдя из «банкетного зала» политической, художественной, журналистской верхушки.

Узнав, что я возглавляю Воронежский областной литературный музей, Борис Иванович пообещал выслать из своего домашнего архива рукописи, письма, фотографии Кубанева, Троепольского, Прасолова. Прошло месяца три, я уже перестал надеяться на получение обещанного, решив, что в столичной занятости ему не до разборки архива и поиска обещанного, как из Москвы пришла увесистая бандероль — прасоловская рукопись ранних стихов и писем. Эта рукопись была опубликована и прокомментирована мной в газете «Коммуна» и журнале «Дон», большей частью вошла в наиболее полный сборник произведений Алексея Прасолова «И душу я несу сквозь годы...». Вскоре Борис Иванович передал мне еще подлинники — письма, стихи, фотографии Василия Кубанева, Гавриила Троепольского, и теперь все это, как и прасоловская рукопись, хранится в музее.

Мы стали переписываться, Борис Иванович всякий раз приглашал в гости. В первый раз у него мы проговорили до полуночи, и в доме, расположенном совсем близко от Кремля, храма Христа Спасителя, Российской Государственной библиотеки, просто не выходило иначе, как снова и снова возвращаться мыслями к прошлому России, недавнему трагическому развалу советской державы, завтрашнему дню нашего народа. С той поры я часто по приезду в Москву останавливался в Большом Афанасьевском переулке, в гостях у семьи Стукалиных, и с неизменным радушием и добросердечностью был встречаем Ольгой Яковлевной, женой Бориса Ивановича, а также их детьми — Мариной и Владимиром, которые, хотя и жили в разных точках Москвы, являлись единым целым стукалинской «матцы».

В один из приездов Бориса Ивановича в Воронеж я попросил его выступить перед сотрудниками литературного музея, и это выступление стало для них событием, как ныне принято говорить, знаковым. Человек, столько повидавший и переживший, он выступал и как политический деятель, и как журналист, и как издатель, и как педагог, а короче говоря — как сын своего Отечества, у которого душа болит за все, что происходит с каждой семьей, каждой деревней, Воронежем, Россией. Тогда я просто не мог не сказать присутствовавшим: «Если бы в высшем руководстве было бы побольше таких людей, как Борис Иванович Стукалин, мы бы оказались очевидцами добрых государственных преобразований, а не развала страны».

Едва ли забудутся мне и наши воронежские прогулки. И особенно — в его последний приезд. Мы побывали у бывшего Дома губернатора, где после войны в одном из его отсеков располагался возглавляемый Стукалиным «Молодой коммунар». Постояли у прасоловской мемориальной доски. Зашли в Петровский сквер. Борис Иванович долго и молча глядел в левобережную даль, словно пытался увидеть за горизонтами тамбовские места своего детства.

Не раз после того мы перезванивались. А однажды я позвонил — и сердце будто пошло в обрыв, сразу почувствовал неладное: речь у Бориса Ивановича была мучительно-замедленной, трудно ему дающейся.

Сильный его организм устоял под ударом инсульта. Но вскоре обрушились новые беды. Тяжелейшая операция. Долгие месяцы в больнице. Ольга Яковлевна и Марина явили всю мыслимую и немислимую полноту заботы и ухода. Но из больницы Борис Иванович так и не вышел...

На похоронах я дал слово родным, что мы, воронежцы, будем помнить своего земляка и постараемся увековечить его память. Библиотека имени Бориса Ивановича Стукалина в Воронеже уже существует. Проводятся музейные книговедческие стукалинские чтения. Надеюсь, что со временем воронежцы пройдут и по улице, которая будет носить его имя.

ОТ ТАМБОВСКОГО СЕЛА ДО МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

(Наши диалоги)

— Борис Иванович, в недавно вышедшей в Москве вашей книге «Годы, дороги, лица...» находим мужественные, точные, искренние слова о трагическом и героическом пути нашего Отечества в двадцатом веке. Есть пронизательные наблюдения над временем и людьми. Точные характеристики как достойных руководителей государства, так и «оборотней из Политбюро», «архитекторов» перестройки и развала страны.

Но давайте все же поговорим о хорошем. Жизнь человеческая полна не только горестных, но и счастливых переживаний. Вы участвовали в великой войне до последнего дня, вошли в поверженный Берлин, стояли у стен Имперской канцелярии; к слову сказать, ее штурмовала и рота моего отца, так что вы были с ним где-то рядом.

Ваша работа — газетная, издательская, общественно-политическая — доставляла вам много хлопот, даже стрессов, но — и радость. И самое, разумеется, главное — семья, «маленькая держава» — ваша жена Ольга Яковлевна (более полувека вместе), ваши дочь и сын, ваши внуки... что может быть прекрасней мира и лада в семье?

— Разумеется, в этом смысле я могу назвать себя счастливым человеком. Защищал Родину, участвовал в ее послевоенном восстановлении. Повидал многое — и скорбное, и радостное. И тяжелейший, в тридцать третьем захвативший страну

голод, жертвы которого томили сердце подростка на улицах Тамбова... И поистине всенародный праздник встречи возвратившегося из космоса Гагарина...

Не хотел бы идеализировать, упрощать прошлое. В нем — радости и трагедии, взлеты и разочарования. Но, знаете, как сказал древний мыслитель, самое большое счастье — жить среди своего народа, со своим народом. Жить, думать, мечтать, как твой народ.

Что же до семьи, то это действительно благословенный уголок, уют, плацдарм — надежный, душевно-чуткий во все времена войн, смут, житейских неурядиц. Я счастлив в семье. Да и трудно быть счастливым в мире, не имея счастья в семье.

И колы заговорили о счастье, разве не счастье — наша страна детства? Сколь бы ни была она подчас тяжелая, бесхлебная. У меня до сих пор перед глазами мое родное село Чуповка, соседние Малая Царевка и Куриловка, речка Малая Ирка, утренние рыбалки, прекрасный дедушкин сад, какого не было во всей кирсановской округе.

— Мне впервые ваша фамилия встретилась как редакторская на последней странице местной районной (россошанской) газеты, затем — в воронежском «Молодом коммунаре», а позже — и в «Коммуне». Из молодежной газеты, помнится, даже приходил короткий одобрительный ответ за вашей подписью на мое отроческое письмо — какие-то я там излагал пространные мысли о необходимости каждому человеку быть готовым к подвигу. Каждому! Иначе и страна порыв подвижничества потеряет. Так, наивные полудетские романтические строки.

— Да, тогда доводилось отвечать на подобные письма. Радовало в них романтическое восприятие отечества и мира. Послевоенное поколение — сильное поколение. А моя газетная страда — весьма памятная — началась еще до войны. Я работал в острогожской «Новой жизни», где моим другом стал замечательный поэт и журналист Василий Кубанев. Прекрасное начало, но трагическая судьба. Когда весной сорок третьего года выпало на несколько дней завернуть с фронта в Острогжск, от поэта, казалось, ничего не осталось. Бомба попала на могилу Кубанева, вернувшегося с фронта по болезни и вскоре умершего. Другая бомба разнесла жилище Кубаневых, рукописи погибли. В тот день сестра поэта Маша прочитала по памяти два братовых стиха, я записал их. После войны начал поиски всего, написанного другом. Собирал по крупицам. В пятьдесят пятом в Воронеже вышла первая книга Кубанева «Перед восходом», которую я бережно собрал и предварил предисловием. Появлялись все новые находки, появлялись и новые кубаневские книги — теперь уже не только в Воронеже, но и в Москве.

— Знаком с ними. Был даже редактором одной из них. Обращался к литературной общественности Воронежа — учредить ежегодные кубаневские чтения. Присвоить имя Кубанева областной юношеской библиотеке. Теперь все это есть, но, думаю, Кубанев — все еще недооцененное имя.

— В последние годы жизни Константина Симонова я был в дружеских отношениях с ним. Так вот он однажды попросил у меня почитать что-нибудь кубаневское, а вскоре прислал письмо из Кисловодска, где находился на лечении. Не стану говорить о словах благодарности в мой адрес, но вот что он пишет по существу: «Когда читаешь эту книгу Кубанева, несколько раз — хочешь не хочешь, а возвращаешься к мысли, что вот ты сейчас старый человек, довольно известный писатель, написавший много книг, прочитанных, в общем-то, миллионами людей, — вот перед тобой книжка человека, жизнь которого оборвалась на двадцать первом году и который, исходя из твоего собственного сегодняшнего ощущения, обладал в юности большими задатками, чем ты...

И вот, прикинув все, с горечью думаешь, что смерть на двадцать первом году

устанавливать из литературы человека, который, будь он жив, был бы способен сделать в этой литературе и больше, чем сам сделал, и больше, чем сделали многие другие, дожившие до твоего возраста писатели. Горькое чувство, заставляющее задним числом с особенной остротой воспринимать именно такие вот давние и безвременные потери.

Наверное, мысли мои сходны с теми мыслями, которые у многих русских литераторов и поэтов были когда-то в девятнадцатом веке о Веневитинове...»

— Борис Иванович, вы открыли всесоюзному читателю имя и слово Василия Кубанева, и великое спасибо вам за это. Вы же стояли у истоков творческого пути и по-настоящему помогли найти свое «я» другому большому русскому поэту — Алексею Прасолову. Об этом многие знают. Но не все знают, что Прасолов до конца дней своих высоко ценил ваше мнение, мысленно сверялся с вами, незадолго до ухода из жизни писал: «Получил ответ от Стукалина... Это ответ на все, что мною уже сделано в жизни. Я, наконец, понят как поэт — до глубины».

— И поныне с какими-то особенными, смешанными чувствами грусти, признательности вспоминаю об Алексее Прасолове, действительно большом русском таланте, самобытном поэте, чей путь оборвался так прискорбно рано.

— Воронеж, да и вся наша литература, должны благодарить вас за неоспоримую помощь не только Прасолову, но и Владимиру Кораблинову, Василию Пескову, Анатолию Жигулину, Гавриилу Троепольскому, Юрию Гончарову, Николаю Коноплину. Да и многим еще.

— Возглавив «Молодой коммунар», я постарался редакционную поденщину облагородить творческими началами — духом муз. Участвовали в литературных «посиделках» и сотрудники — Кораблинов, художник-ретушер, наш «энциклопедический словарь» — будущий летописец Воронежского края, и Василий Песков, взявший творческий разбег талантливо и широко, — позже его слово полюбит миллион читателей страны, и приглашенный мною из росошанской глубинки на работу в «Молодой коммунар» Алексей Прасолов. На литературном «огоньке» бывали частыми гостями Троепольский, Шубин, Абрамов, Гончаров, Кретова, Тимошечкин, Коноплин, Жигулин. Та же творческая атмосфера сохранялась и в «Коммуне», где я редактировал с пятьдесят шестого по шестидесятый.

— Мы с вами затронули только воронежский период — и говорить не переговорить. А журналистская, издательская жизнь в Москве? Целая эпоха не только в вашей жизни, но и в литературной, издательской жизни страны.

— Да, ввод в действие полиграфических комбинатов в Подмосковье, улучшение полиграфической базы во многих регионах — это требовало времени, воли, немалых трудов. Обычно то были невидимые миру слезы. Спасибо, серьезные государственные умы, в частности, Косыгин, Мазуров, глубоко осознавали важность издательско-полиграфического дела, их помощь была более чем существенна. Что же касается сугубо творческих, литературных начал — здесь можно также рассказывать о многом частном и фундаментальном — от изданных с моей непосредственной помощью Булгакова, Кафки и Мандельштама, не вписывавшихся в привычный ряд, но необходимых читательскому сообществу, до выпуска 200-томной Библиотеки всемирной литературы — прежде небывалого в мире проекта. Издание было осуществлено в десять лет. Тираж каждого тома — триста тысяч экземпляров! Суммарный тираж — шестьдесят миллионов книг. И все равно спрос до конца не был исчерпан. Тогда часто можно было видеть объявления: «Меняю “жигули” на Всемирную библиотеку». Нельзя забывать и о том, сколько было издано не только собраний сочинений известных писателей, но и книг начинавших свой творческий путь авторов. Они сказали честное слово о деревне, родном крае, тревогах и бедах

отчества. А иногда приходилось помогать и классикам — Шолохову, Леонову. С Леоновым в последние годы нас связывала сердечная дружба.

Госкомиздат — действительно незабываемая веха моей жизни. Много помню. И многих — настоящие подвижники, истинные профессионалы. Единомышленники.

— В своей книге вы произносите «похвальное слово полиграфистам». Вот нравственный уровень автора — о большинстве людей, с которыми вас так или иначе свела судьба, вы пишете тактично, душевно, сочувственно. Находите в каждом встречном, в каждом сотруднике достоинство, хорошую черточку на особицу. Видеть в людях хорошее — это, на мой взгляд, крупное, широкое свойство души...

— Но мне действительно везло на хороших людей — и на войне, и в мирной бытовой среде, и в журналистском и издательском мире.

— И куда в меньшей степени в политике? Существует старое убеждение, что политика вообще вне нравственного начала.

— Да ведь, как и всюду, и здесь — по-разному. Есть политики — труженики, озабоченные судьбами страны и народа, а есть политиканствующие борцы за свой карман, свое пустославие, без чести и совести. Конец недавнего века выплеснул легионы таковых. Слава Богу, не все делается ими; как бы они, выпархивая на верхние этажи власти, ни грабили Россию, а крестьянин рожь сеет. Хотя, конечно же, беды в стране много.

— Читая в вашей книге об известных политических фигурах, всякий раз узнаешь что-либо существенное. Речь ли о презираемых в народе «архитекторах перестройки», идеологах мародерочно-рыночной экономики и развала страны, или же серьезных политических именах, как, например, Косыгин, Андропов, Фулбрайт.

Книга «Годы, дороги, лица...» — органично искренна, с сердечной болью за происшедшее с отечеством в двадцатом веке. Может, и не во всем соглашаясь с автором, читаешь ее на одном дыхании.

И спасибо вам, Борис Иванович, — почти треть тиража, около трехсот книг, вы передали воронежцам, в дар библиотекам города и области. Думаю, воронежцы рады будут прочитать вашу книгу от начала до конца и главы из нее непременно будут опубликованы в Черноземном крае — на вашей Родине.

— Я особенно порадуюсь, если мои воспоминания на моей родине читает молодежь...

2003 г.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Из письма-поздравления Василия Пескова, май 1973.

«Дорогой Борис Иванович!

Полвека — это только полвека! Желаю тебе здоровья и сил на остальной путь столько же, сколько бы я пожелал своим матери и отцу.

Живи долго. Такими людьми, как ты, красна Земля...»

Из письма Константина Симонова, 5 мая 1978.

«В последние одно-два десятилетия мне часто приходилось сталкиваться с тем, что нашему, а — шире говоря — нашим поколению, воспитанным, отчасти самовоспитанным в те предвоенные годы, отказывают в наличии тех мыслей, соображений, чувств, очень не простых и не однолинейных, которые на самом деле имелись и в наших головах, и в наших сердцах. Мне давно хочется написать на

эту тему, и, может быть, когда я буду писать об этом, выписки из Кубанева — и из стихов — в меньшей степени, и из писем его и дневниковых заметок — в большей степени — лягут в основу некоторых, весьма существенных для меня рассуждений и даже, пожалуй, выводов.

Желаю Вам, всего доброго, дорогой Борис Иванович...»

Из письма Владимира Кораблинова, 23 августа 1980.

«Дорогой Борис Иванович! От всего сердца благодарю Вас за все, что вы сделали для меня, начиная с далеких лет нашей воронежской жизни. И вот последнее — очки. Добыть такие у нас, в наших условиях — дело совершенно немыслимое. Когда я получил их, просто обалдел от радости. Тем более что с глазами у меня случилось так плохо, что и говорить не хочется. Дела, в общем, не очень веселые.

Но нет, не буду плакаться и хныкать, потому что есть у меня вечная спасительница — моя работа. И еще — хорошие люди, какие одним уж тем, что существуют и помнят обо мне, как-то помогают жить и не поддаваться хандре и окаянной старости.

Ведь какой я подарок получил на днях: звонок из Москвы... Коллегия утвердила двухтомник! А спустя несколько дней — официальное письмо об этом из «Мол. Гвардии». Вы, дорогой Борис Иванович, и представить себе не можете, какая это поддержка, какая радость для меня! Лучше всяких лекарств и уколов. Спасибо, спасибо Вам, хороший вы человек!..»

Из письма Гавриила Троепольского, 20 февраля 1986.

«...Я тоже благодарю судьбу, что она свела нас в Острогжске и за то, что ей было угодно, чтобы родилась дружба. Помню и Васю Кубанева отчетливо, особенно его посещения Госсортучастка... помню и вечерние беседы в редакции, но при каждом воспоминании меня не покидает некое чувство вины — поздно оценил необыкновенный талант: а вы-то оба были в том возрасте, когда, по-видимому, и не могли оценить друг друга для будущего. Тут Вашей вины в том — никакой: потом-то воскресили В. Кубанева именно Вы. Так ушедшие в Лету друзья становятся нам ближе и дороже, и остаются в нас до конца жизни...

Отвечаю на Ваш вопрос. «Троепольский как писатель сложился» именно тогда, в Острогжске, точнее, «оформился». Писать-то начал гораздо раньше, но — плохо, а тот, — сначала учитель, потом агроном, — понимал это. Начинал и бросал, начинал и бросал... По-видимому, такая волнообразность и определяется двумя словами — найти себя. Однако жизнь сложилась так, что, бывало, хотелось уйти от себя. И уходил. А вот в Острогжске, именно в Острогжске, понял всем существом — не могу не писать, Обязан писать потому, что задуманное мною никто не напишет. К моменту благословения, полученного от А. Твардовского, пришел в «Новый мир» с готовыми рассказами.

Так что Острогжск — моя вторая родина...»

* * *

Останется Борис Иванович Стукалин в памяти читающей России поистине маршалом книжных войск, великим поборником книжного мира. Вот только останется ли Россия читающей? Прежде ухода всеземного человеческого мира уходит мир читающий. А ведь «в начале было Слово...

